

К. ЦЕТКИН***Воспоминания о Ленине****

<Фрагмент>

Предисловие Н. К. Крупской

Отзывы и воспоминания Клары Цеткиной о Ленине имеют особое значение. Сама Цеткина была одним из виднейших борцов за дело рабочего класса, ударницей мировой революции. В прошлом году, в день 75-летия Клары, ЦК ВКП(б) написал ей горячий привет. «Ветерану международного рабочего движения, пламенно-му трибуну пролетарской революции, старейшему вождю Коммунистического Интернационала, другу и товарищу трудящихся масс СССР, борцу за раскрепощение женщин-работниц — Центральный Комитет ВКП(б) шлет и день 75-летия горячий большевистский привет. Соратница Энгельса, ты неустанно боролась против оппортунизма во II Интернационале, со всей силой своего большого ума и революционной страсти ты восстала против бернштейнианства, против ревизионизма. В дни, когда вспыхнула мировая бойня, когда столпы II Интернационала позорно впряглись в колесницу империализма, ты вместе с Лениным, вместе с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом высоко подняла знамя пролетарского интернационализма. Ты была с нами и в дни Октября, и в дни гражданских боёв, когда мировая контрреволюция пыталась задушить первое в мире государство пролетариата. Беззаветный друг СССР, ты всегда на боевом посту, когда враг угрожает Стране Советов. Центральный Комитет ВКП(б) выражает своё горячее пожелание

* *Клара Цеткин (1857–1933)* — немецкая политическая деятельница, участник немецкого и международного коммунистического движения, одна из основателей Коммунистической партии Германии, активистка борьбы за права женщин. Была хорошо знакома с В. И. Лениным и Н. К. Крупской; в 1920 г. она в первый раз побывала в Советской России и взяла у вождя большевиков интервью для «Женского вопроса». Сыграла важную роль в основании Второго интернационала и подготовила для его Учредительного конгресса речь о роли женщин в революционной борьбе. Считается, что она является автором идеи Международного женского дня — 8 марта.

Цеткин скончалась в 1933 г. в Архангельском близ Москвы. После смерти была кремирована, урна с прахом помещена в некрополе у Кремлёвской стены на Красной площади, на пространстве стены от Сенатской башни в сторону Никольской башни.

** *Цеткин К. Ленин и освобождение женщины. М.: Московский рабочий, 1925.*

и твёрдую уверенность в том, что ты ещё многие годы будешь бороться в первых рядах Коммунистического Интернационала», Этому пожеланию не было суждено исполниться, Цеткина не дожила даже до 76 лет, но последние месяцы её жизни были яркой иллюстрацией того, как верна была характеристика, которую дал Цеткиной Центральный Комитет.

Цеткина была избрана в немецкий рейхстаг, она оказалась старейшим членом рейхстага и как старейший член рейхстага она должна была открыть его. Никто не думал, что она будет в состоянии это сделать. Она жила в доме отдыха под Москвой, с трудом могла приподняться с постели, силы её ушли, она каждую минуту задыхалась. Но когда Германская коммунистическая партия написала, что был бы желателен её приезд, она ни минуты не колебалась: собрала последние силы и поехала в Германию, запасшись камфорой и другими средствами поддержания жизни. Она знала, какая опасность ей грозит, опасность быть схваченной и даже убитой фашистами. Это её не остановило. Собрав все свои последние силы, она открыла рейхстаг блестящей речью убеждённой коммунистки. Через голову рейхстага она обращалась к трудящимся массам Германии, говорила им о России, о необходимости борьбы, о социалистической революции. Свою речь Цеткина заключила словами: «Выполняя обязанность старейшего члена рейхстага, я открываю его и выражаю надежду, что мне придёт ещё, несмотря на мою теперешнюю инвалидность, открыть, как старейшему его члену, первый съезд советов Советской Германии!» Вернувшись в Россию, Цеткина почувствовала резкий упадок сил, но не бросила работы. Больная, умирающая, она диктовала брошюру «Заветы Ленина женщинам всего мира». Брошюра кончается словами: «Великая цель светит миру. Исторический момент требует самой решительной борьбы. Он властно диктует пролетаркам, трудящимся женщинам: смотрите, осознавайте, действуйте, боритесь, боритесь! Великий момент не допускает узости женской ограниченности. Вширь, вперёд, миллионы безвестных, безымянных борцов! Вы призваны победить. Вы должны встать в ряды международных исполнителей заветов Ленина, продолжателей его бессмертного учения и дела. Будьте достойными продолжателями дела Ленина, достойными его учениками».

Я была у Цеткиной 12 мая и рассказывала ей о съезде колхозников и колхозниц. После этого она написала письмо к колхозницам Красной Пахры, в котором она писала о важности колхозного строительства и о том, что речь товарища Сталина на съезде колхозников о женщине в колхозах должна их воодушевлять и служить руководством к действию.

Владимир Ильич очень любил и ценил Цеткину как страстную революционерку, как марксистку, хорошо, глубоко понимающую учение Маркса, как борца с оппортунизмом II Интернационала, и он очень любил говорить с ней «по душам» на те темы, которые его очень занимали, поговорить в тех разрезах, в каких он официально не выступал. Он говорил с Цеткиной об искусстве, о культурном строительстве, о международном женском движении, о германском движении и пр. Ему интересно было говорить с ней по этим вопросам, потому что он знал — она много думала над этими вопросами, широко их ставила, и ей будет понятно то, о чём он говорит.

Воспоминания Клары о Ленине, её статьи и речи о нём говорят о том, как высоко она ценила Ленина, как близка и дорога ей была Страна Советов, как захватывала её соцстройка, широко развёртывающаяся в нашей стране. Цеткина писала свои статьи о Ленине несколько иначе, чем пишем мы: больше в них пафоса, больше в них, я бы сказала, интернационального размаха, другая несколько рамка, в которую она ставит свои воспоминания. Но именно это и делает её воспоминания об Ильиче своеобразными и ценными. Нам важно и нужно знать то, что говорила об Ильиче Клара, так горячо его любившая.

Н. Крупская, 10 августа 1933 г.

Воспоминания о Ленине

О эти тяжёлые часы, когда каждый из нас подавлен чувством глубочайшего горя, когда каждый сознаёт, что ушёл от нас тот, кого заменить нельзя, перед нами встаёт яркое и полное жизни воспоминание о нём единственном, которое, как вспышка молнии, выявляет нам в великом вожде великого человека. На личности Ленина лежит печать гармоничного слияния величия вождя и человека. Благодаря этой особенности личность Ленина навсегда пустила корни в великом сердце мирового пролетариата, а это есть то, что Маркс называл славным жребием борца за коммунизм. Ибо трудящиеся, все те, кто отдан в жертву богатству, все те, кто не знает условной лжи и лицемерия буржуазного мира, тонким инстинктивным чутьём улавливают разницу между правдивым и ложным, между скромным величием и напыщенным чванством, между действительной, обращённой к ним любовью и погоней за популярностью, в которой отражается только пустое тщеславие.

Я считаю своим долгом поделиться со всеми отрывками из сокровищницы моих личных воспоминаний о незабвенном вожде и друге. Это долг по отношению к Владимиру Ильичу. Это — долг

по отношению к тем, кому была отдана вся его деятельность: пролетариям, трудящимся, эксплуатируемым, подневольным всего мира, которых охватило его любящее сердце и которых его гордая мысль рассматривала как революционных борцов и творцов более высокого общественного строя.

Впервые после того, как разразилась потрясшая весь мир русская революция, я встретила с Лениным ранней осенью 1920 г. Это было сейчас же после моего приезда в Москву, во время одного партийного заседания, — если память мне не изменит, в Свердловском зале в Кремле. Ленин показался мне не изменившимся, почти не постаревшим, я могла бы поклясться, что на нем был тот же скромный, тщательно вычищенный пиджак, который я видела на нем при первой нашей встрече в 1907 г. на всемирном конгрессе II Интернационала в Штутгарте. Роза Люксембург, отличавшаяся метким глазом художника, подмечавшим всё характерное, указала мне тогда на Ленина со словами: «Взгляни хорошенько на этого человека. Это — Ленин. Обрати внимание на его упрямый, своевольный череп».

В своём поведении и в своих выступлениях Ленин остался таким же, как прежде. Дебаты становились порой очень оживлёнными, даже страстными. Как и раньше, во время конгрессов II Интернационала, Ленин проявлял чрезвычайное внимание к ходу дебатов, большое самообладание и спокойствие, в котором чувствовалась внутренняя сосредоточенность, энергия и эластичность. Это доказывали его восклицания, отдельные замечания и более пространственные речи, произносимые им, когда он брал слово. От его острого взгляда и ясного ума, казалось, не могло ускользнуть ничто, заслуживающее внимания. Мне бросилась в глаза тогда на собрании, как впрочем и всегда впоследствии, самая характерная черта Ленина простота и сердечность, естественность во всех его отношениях ко всем товарищам. Я говорю «естественность», так как я вынесла вполне определённое впечатление, что этот человек не может вести себя иначе, чем он себя ведёт. Его отношение к товарищам — естественное выражение всего его внутреннего существа.

Ленин был беспорным вождём партии, которая сознательно вступила в бой за власть, указывая цель и путь русскому пролетариату и крестьянству. Облечённая их доверием, она управляет страной и осуществляет диктатуру пролетариата. Ленин был руководителем великой страны, которая стала первым в мире пролетарским государством. Его мысли и воля жили в миллионах людей и за пределами Советской России. Его мнение по любому вопросу было решающим в стране, имя его было символом надежды и освобождения повсюду, где существует гнёт и рабство.

«Товарищ Ленин ведёт нас к коммунизму. Как бы тяжело нам ни было, мы выдержим», заявляли русские рабочие. Они, имея перед своим духовным взором идеальное царство высшего человеческого общества, спешили, голодая, замерзая, на фронт или же напрягали чрезвычайные усилия, чтобы среди невероятных трудностей восстановить хозяйственную жизнь страны.

«Нам нечего бояться, что помещики вернуться и отберут у нас землю. Ильич и большевики с красноармейцами выручат нас», так рассуждали крестьяне, земельная нужда которых была удовлетворена. «Да здравствует Ленин!» часто красовалась надпись на многих церковных стенах в Италии: это было пропитанном восторженным удивления какого-нибудь пролетария, который в лице русской революции приветствовал свою собственную освободительницу. Вокруг имени Ленина как в Америке, так и в Японии и Индии объединялись все восставшие против власти собственников.

Как просто и скромно было выступление Ленина, который уже имел позади себя совершённый им гигантский исторический труд и на котором лежало колоссальное бремя безграничного доверия, самой тяжёлой ответственности и никогда не прекращающейся работы! Он целиком сливался с массой товарищей, был однороден с ней, был одним из многих. Он не хотел ни одним жестом, ни выражением лица оказывать давление в качестве «руководящей личности. Подобный приём был ему совершенно чужд, так как он действительно был ярко выраженной личностью. Курьеры беспрерывно доставляли сообщения из различных учреждений гражданских и военных, он очень часто тут же давал ответ в нескольких быстро набросанных строках. Для всякого у Ленина была дружеская улыбка и кивок, и это всегда вызывало в ответ радостное выражение лица у того, к кому они относились. Во время заседаний он время от времени, не вызывая ничьего внимания, сговаривался по разным вопросам с тем или иным ответственным товарищем. Во время перерыва Ленину приходилось выдерживать настоящую атаку: его обступали со всех сторон товарищи мужчины и женщины питерцы, москвичи, а также из самых различных центров движения. Особенно много молодых товарищей обступало его: «Владимир Ильич, пожалуйста»... «Товарищ Ленин, вы не должны отказать»... «Мы, Ильич, хорошо знаем, что вы... но»... В таком роде сыплется град просьб, запросов, предложений.

Ленин выслушивал и отвечал всем с неистощимым, трогательным терпением. Он чутко прислушивался и всегда был готов помочь в партийной работе или личном горе. Глядя на него, как он относился к молодежи, сердце радовалось: чисто товарищеские

отношения, свободные от какого-либо педантизма. Наставнического тона или высокомерия, продиктованного тем, что пожилой возраст будто бы сам по себе является каким-то несравненным преимуществом и добродетелью.

Ленин вёл себя, как ведет себя равный и среде равных, с которыми он связан всеми фибрами своего сердца. В нем не было и следа «человека власти», его авторитет в партии был авторитетом идеальнейшего вождя и товарища, перед превосходством которого склоняешься в силу сознания, что он всегда поймёт и в свою очередь хочет быть понятым.

Не без горечи сравнивала я атмосферу, окружавшую Ленина, с напыщенной чопорностью «партийных отцов» немецкой социал-демократии. И мне совершенно нелепой казалась та безвкусица, с которой социал-демократ Эберт, в качестве «господина президента Германской республики», старался копировать буржуазию «во всех её повадках и манерах», теряя всякое чувство человеческого достоинства. Конечно, эти господа никогда не были такими «безумными и отчаянными», как Ленин, чтобы «стремиться совершить революцию». И под их защитой буржуазия может тем временем храпеть ещё более спокойно, чем даже во времена тридцати пяти монархов при Генрихе Гейне, храпеть, пока, наконец, и здесь революция не подымется из потока исторически подготовленного, необходимого и прогремит этому обществу:

«Берегись»!

* * *

При моём первом посещении семьи Ленина ещё углубилось впечатление от него, полученное мною на партийной конференции и усилившееся с тех пор после ряда бесед с ним. Ленин жил в Кремле. Прежде чем к нему попасть, нужно было пройти мимо нескольких караульных постов предосторожность, объяснявшаяся непрекращавшимися в ту пору контрреволюционными террористическими покушениями на вождей революции. Ленин, когда это нужно было, принимал и великолепных государственных апартаментов. Однако его частная квартира отличалась крайней простотой и непритязательностью. Мне случалось часто бывать в квартирах рабочих, которые были богаче обставлены, чем квартира «всесильного московского диктатора».

Я застала жену и сестру Ленина за ужином, к которому я тотчас же была приглашена самым сердечным образом. Это был скромный ужин любого среднего советского служащего того времени. Он состоял из чая, чёрного хлеба, масла, сыра. Потом сестра должна была «в честь гостя» поискать, нет ли чего «сладкого», и,

к счастью, нашлась небольшая банка с вареньем. Как известно, крестьяне доставляли в изобилии «своему Ильичу» белую муку, сало, яйца, фрукты и т. п.; известно также, что из всего этого ничего не оставалось в доме у Ленина. Всё посылалось в больницы и детские приюты, так как семья Ленина строго придерживалась принципа жить в тех же условиях, что и трудящиеся массы.

Я не видела т. Крупскую, жену Ленина, с марта 1915 г., когда происходила международная женская социалистическая конференция в Берне. Её симпатичное лицо с мягкими добрыми глазами носило на себе неизгладимые следы предательской болезни, которая её подтачивала. Но, за исключением этого обстоятельство, она оставалась такой же, а именно воплощением прямоты, простоты и какой-то чисто пуританской скромности. Со своими гладко назад причёсанными волосами, собранными на затылке в бесхитростный узел, в своём простом платье, она производила впечатление изнурённой жены рабочего, вечно озабоченной мыслью, как бы успеть, как бы не потерять времени. «Первая женщина великого русского государства» согласно буржуазным понятиям и терминологии Крупская является бесспорно первой по преданности делу угнетённых и страдающих. Её соединяла с Лениным самая искренняя общность взглядов на цель и смысл жизни. Она была правой рукой Ленина, его главный и лучший секретарь, его убежденнейший идейный товарищ, самая сведущая истолковательница его воззрений, одинаково неутомимая как в том, чтобы умно и тактично вербовать друзей и приверженцев, так и в том, чтобы пропагандировать его идеи в рабочей среде. Наряду с этим она имела свою особую сферу деятельности, которой она отдавалась всей душой, дело народного образования и воспитания.

Было бы оскорбительно и смешно предполагать, что т. Крупская в Кремле играла роль «жены Ленина». Она работала, несла заботы вместе с ним, пеклась о нём, как она делала это всю свою жизнь, делала тогда, когда условия нелегальной жизни и самые тяжёлые преследования разделяли их друг от друга. С чисто материнской заботливостью, нужно указать, что сестра Ленина помогала ей в этом самым любовным образом, превращала она ленинское жилище в «родной очаг» в самом благородном смысле этого слова. Конечно, не в смысле немецкого мещанства, а в смысле той духовной атмосферы, которая его наполнила и которая служила отражением отношений, соединявших между собой живущих и работающих здесь людей. получалось впечатление, что в этих отношениях все было настроено на исключительный то правды, искренности, понимания и сердечности. Хотя я до той минуты лично мало была знакома с т. Крупской, я тотчас же по-

чувствовала себя в её обществе и под ее дружеским попечением, как дома. Когда пришёл Ленин и когда несколько позже появилась большая кошка, весело приветствуемая всей семьёй, она прыгнула на плечи к «страшному вождю террористов» и потом свернулась в удобной позе на коленях у него, то мне казалось, что я у себя дома или у Розы Люксембург с её ставшей памятной для друзей кошкой «Мими».

Ленин застал нас трёх женщин беседующими по вопросам искусства, просвещения и воспитания. Я как раз в этот момент высказывала своё восторженное удивление перед единственной, в своём роде титанической, культурной работой большевиков, перед расцветом в стране творческих сил, стремящихся проложить новые пути искусству и воспитанию. При этом я не скрывала своего впечатления, что довольно часто приходится наблюдать много неуверенности и неясных нащупываний, пробных шагов и что наряду со страстными поисками нового содержания, новых форм, новых путей в области культурной жизни имеет иногда место и искусственное «модничанье» и подражание западным образцам. Ленин тотчас же очень живо вмешался в разговор.

— Пробуждение новых сил, работа их над тем, чтобы создать в Советской России новое искусство и культуру, — сказал он, — это хорошо, очень хорошо. Бурный темп их развития понятен и полезен. Мы должны нагнать то, что было упущено в течение столетий, и мы хотим этого. Хаотическое брожение, лихорадочные искания новых лозунгов, лозунги, провозглашающие сегодня «осанну» по отношению к определённым течениям в искусстве и в области мысли, а завтра кричащие «распни его», всё это неизбежно.

— Революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубин на поверхность жизни. Вот вам один пример из многих. Подумайте о том влиянии, которое оказывали на развитие нашей живописи, скульптуры и архитектуры мода и причуды царского двора, равно как вкус и причуды господ аристократов и буржуазии. В обществе, базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателях. Наша революция освободила художников от гнёта этих весьма прозаических условий. Она превратила Советское государство в их защитника и заказчика. Каждый художник, всякий, кто себя таковым считает, имеет право творить свободно, согласно своему идеалу, независимо ни от чего.

— Но, понятно, мы — коммунисты. Мы не должны стоять, сложа руки. и давать хаосу развиваться, куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты. Мы ещё далеки от этого, очень далеки. Мне кажется,

что и мы имеем наших докторов Карлштадтов*. Мы чересчур большие «ниспровергатели в живописи». Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно-прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо поклониться только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим «на высоте современной культуры». Я же имею смелость заявить себя «варваром». Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости.

Я не могла удержаться и созналась, что и мне не хватает органа восприятия, чтобы понять, почему художественным выражением вдохновенной души должны служить треугольники вместо носа и почему революционное стремление к активности должно превратить тело человека, в котором органы связаны в одно сложное целое, в какой-то мягкий бесформенный мешок, поставленный на двух ходулях, с двумя вилками по пяти зубцов в каждой.

Ленин от души расхохотался.

— Да, дорогая Клара, ничего не поделаешь, мы оба старые. Для нас достаточно, что мы, по крайней мере, в революции остаёмся молодыми и находимся в первых рядах. За новым искусством нам не угнаться, мы будем ковылять позади.

— Но, — продолжил Ленин, важно не наше мнение об искусстве. Важно также не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу, Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать и них художников и развивать их. Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие, утончённые бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в чёрном хлебе? Я понимаю это, само собой разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально: мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Ради

* Карлштадт (1480–1541) — видный деятель реформации. — *Ред.*

них мы должны научиться хозяйничать, считать. Это относится также к области искусства и культуры.

Для того чтобы искусство могло приблизиться к народу и народ к искусству, мы должны сначала поднять общий образовательный и культурный уровень. Как у нас обстоит дело в этом отношении? Вы восторгаетесь по поводу того колоссального культурного дела, которое мы совершили со времени прихода своего к власти. Конечно, без хвастовства, мы можем сказать, что в этом отношении нами многое, очень многое сделано. Мы не только «сняли головы», как в этом обвиняют нас меньшевики всех стран и на вашей родине Каутский, но мы также просветляли головы; мы много голов просветили. Однако «много» только по сравнению с прошедшим, по сравнению с грехами господствовавших тогда классов и клик. Необъятно велика разбуженная и разжигаемая нами жажда рабочих и крестьян к образованию и культуре. Не только в Питере и в Москве, в промышленных центрах, но и далеко за этими пределами, вплоть до самых деревень. А, между тем, мы народ нищий, совершенно нищий. Конечно, мы ведём настоящую упорную войну с безграмотностью. Устраиваем библиотеки, «избы-читальни» в крупных и малых городах и сёлах. Организуем самые разнообразные курсы. Устраиваем хорошие спектакли и концерты, рассылаем по всей стране «передвижные выставки» и «просветительные поезда». Но я повторяю: что это может дать тому многомиллионному населению, которому недостает самого элементарного знания, самой примитивной культуры? В то время как сегодня в Москве, допустим, десять тысяч человек, а завтра ещё новых десять тысяч человек придут в восторг, наслаждаясь блестящим спектаклем в театре, миллионы людей стремятся к тому, чтобы научиться по складам писать своё имя и считать, стремятся приобщиться к культуре, которая обучила бы их тому, что земля шарообразна, а не плоская и что миром управляют законы природы, а не ведьмы и не колдуны совместно с «отцом небесным».

— «Товарищ Ленин, не следует так горько жаловаться на безграмотность, — заметила я. В некотором отношении она вам облегчила дело революции. Она предохранила мозги рабочего и крестьянина от того, чтобы быть напичканными буржуазными понятиями и воззрениями и захиреть. Ваша пропаганда и агитация бросает семена на девственную почву. Легче сеять и пожинать там, где не приходится предварительно выкорчёвывать целый первобытный лес».

— Да, это верно, возразил Ленин. Однако только в известных пределах или, вернее сказать, для определённого периода нашей борьбы. Безграмотность уживалась с борьбой за власть, с необходи-

мостью разрушить старый государственный аппарат. Но разве мы разрушаем единственно ради разрушения? Мы разрушаем для того, чтобы воссоздать нечто лучшее. Безграмотность плохо уживается, совершенно не уживается с задачей восстановления. Последнее ведь, согласно Марксу, должно быть делом самих рабочих и, прибавлю, крестьян, если они хотят добиться свободы. Наш советский строй облегчает эту задачу. Благодаря ему в настоящее время тысячи трудящихся из народа учатся в различных советах и советских органах работать над делом восстановления. Это мужчины и женщины «в расцвете сил», как у вас принято говорить. Большинство из них выросло при старом режиме и, следовательно, не получило образования и не приобщилось к культуре, но теперь они страстно стремятся к знанию. Мы самым решительным образом ставим себе целью привлекать к советской работе всё новые пласты мужчин и женщин и дать им известное практическое и теоретическое образование. Однако, несмотря на это, мы не можем удовлетворить всю потребность нашу в творческих руководящих силах. Мы вынуждены привлекать бюрократов старого стиля, и в результате у нас образовался бюрократизм. Я его от души ненавижу, не имея, конечно, при этом в виду того или иного отдельного бюрократа. Последний может быть дельным человеком. Но я ненавижу систему.

Она парализует и вносит разврат как вниз, так и наверх. Решающим фактором для преодоления и искоренения бюрократиями служит самое широкое образование и воспитание народа.

— Каковы же пиши перспективы на будущее? Мы создали великолепные учреждения и провели действительно хорошие мероприятия с той целью, чтобы пролетарская и крестьянская молодежь могла учиться, штудировать и усваивать культуру. Но и тут встаёт перед нами тот же мучительный вопрос: что значит всё это для такого большого населения как наше? Ещё хуже того: у нас далеко нет достаточного количества детских садов, приютов и начальных школ. Миллионы детей подрастают без воспитания и образования. Они остаются такими же невежественными и некультурными, как их отцы и деды. Сколько талантов гибнет из-за этого, сколько стремлений к свету подавлено! Это ужасное преступление с точки зрения счастья подрастающего поколения, равносильное расхищению богатств Советского государства, которое должно превратиться в коммунистическое общество. В этом кроется грозная опасность.

В голосе Ленина, обычно столь спокойном, звучало сдержанное негодование.

«Как близко задевает его сердце этот вопрос, подумала я, раз он перед нами тремя произносит агитационную речь». Кто-то из нас,

я не помню, кто именно, заговорил по поводу некоторых, особенно бросающихся в глаза явлений из области искусства и культуры, объясняя их происхождение «условиями момента». Ленин на это возразил:

— Знаю хорошо! Многие искренне убеждены в том, что *rapnet et circences* («хлебом и зрелищами») можно преодолеть трудности и опасности теперешнего периода. Хлебом — конечно! Что касается зрелищ, — пусть их! Не возражаю. Но пусть при этом не забывают, что зрелища это не настоящее большое искусство, а скорее более или менее красивое развлечение. Не надо при этом забывать, что наши рабочие и крестьяне нисколько не напоминают римского люмпен-пролетариата. Они не содержатся на счёт государства, а содержат сами трудом своим государство. Они «делали» революцию и защищали дело последней, проливая потоки крови и принося бесчисленные жертвы. Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство. Потому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры, конечно, при условии, что вопрос о хлебе разрешён. На этой почве должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию. На этом пути нашим «интеллигентам» предстоит разрешить благородные задачи огромной важности. Поняв и разрешив эти задачи, они покрыли бы свой долг перед пролетарской революцией, которая и перед ними широко раскрыла двери, ведущие их на простор из тех низменных жизненных условий, которые так мастерски характеризованы в «Коммунистическом манифесте».

В эту ночь — был уже поздний час — мы коснулись ещё и других тем. Но впечатления об этом бледнеют по сравнению с замечаниями, сделанными Лениным по вопросам искусства, культуры, народного образования и воспитания.

«Как искренне и горячо любит он трудящихся, — мелькнуло у меня в мозгу, — когда я в эту холодную ночь с разгорячённой головой возвращалась домой. А между тем, находятся люди, которые считают этого человека холодной, рассудочной машиной, принимают его за сухого фанатика формул, знающего людей лишь в “качестве исторических категорий” и бесстрастно играющего ими, как шариками».

Брошенные Лениным замечания так глубоко меня взволновали, что тотчас же в основных чертах я набросала их на бумаге, подобно тому, как во время моего первого пребывания на священной революционной земле Советской России день за днём заносила в свой дневник всё, что мне казалось заслуживающим внимания.

В душу мою врезался неизгладимыми чертами ещё ряд других замечаний Ленина, сделанных им в ту пору, во время одной беседы со мною.

Я, как и многие приезжавшие в то время из западных стран, должна была уплатить дань перемене образа жизни и слегла. Ленин навестил меня. Заботливо, как самая нежная мать, осведомлялся он, имеется ли за мной надлежащий медицинский уход, получаю ли я соответствующее питание, допытывался, в чём я нуждаюсь, и т. д. Позади него я видела милое лицо т. Крупской. Ленин усомнился, всё ли так хорошо, так великолепно, как мне казалось. Особенно он выходил из себя по поводу того, что я жила на четвёртом этаже одного советского дома, в котором, правда, в теории имелся лифт, но на практике он не функционировал.

— Точь-в-точь, как любовь и стремление к революции у сторонников Каутского», — заметил Ленин саркастически. Вскоре наш разговор потек по руслу политических вопросов

Отступление Красной Армии из Польши дохнуло ранним морозом на революционные мечты, которые мы и многие имеете с ними лелеяли, когда советские войска молниеносным и смелым натиском достигли Варшавы. Этот дохнувший мороз не дал созреть нашим мечтам.

Я описывала Ленину, какое впечатление произвели и на революционный авангард немецкого пролетариата, и на Шейдеманов, и на Дитманов, и на крупную и мелкую буржуазию красноармейцы с советской звездой на шапке и в донельзя потрёпанной военной форме, а часто в штатском платье, в лаптях или в рваных сапогах, появившиеся на своих маленьких бойких лошадках у самой немецкой границы. «Удержат ли они Польшу в своих руках или нет, перейдут ли они через немецкую границу, и что тогда будет?» вот вопросы, занимавшие тогда умы в Германии, вопросы, при разрешении которых стратеги за кружкой пива готовились одерживать блестящие победы. При этом обнаружилось, что во всех классах, во всех социальных слоях было гораздо больше шовинистической ненависти против белогвардейской империалистической Польши, чем против французского «наследственного врага».

Однако ещё сильнее, ещё неотразимее, чем шовинистическая ненависть против Польши и благоговение перед святостью Версальского договора, был страх перед призраком революции. Перед ним укрылся в подворотню и бурно-пламенный на словах патриотизм и нежно журчащий пацифизм. Крупная и мелкая буржуазия совместно с сопутствующими ей реформистскими элементами из пролетариата взирали, таким образом, на дальнейшее развитие вещей в Польше Одним глазом, который смеялся, и другим, который плакал.

Ленин внимательно прислушивался к деталям о поведении Коммунистической партии, равно как и реформистской партии и вождей профсоюзов, которые я ему сообщала.

Несколько минут сидел он молча, погружённый в раздумье.

— Да, — сказал он наконец, — в Польше случилось то, что должно было, пожалуй, случиться. Вы ведь знаете все те обстоятельства, которые привели к тому, что наш безумно смелый, победоносный авангард не мог получить никакого подкрепления со стороны пехоты, не мог получить ни снаряжения, ни даже чёрствого хлеба в достаточном количестве и поэтому должен был реквизировать хлеб и другие предметы первой необходимости у польских крестьян и мелкой буржуазии; последние же, под влиянием этого, готовы были видеть в красноармейцах врагов, а не братьев-освободителей. Конечно, нет нужды говорить, что они чувствовали, думали и действовали при этом отнюдь не социалистически, не революционно, а националистически, шовинистически, империалистически. Крестьяне и рабочие, одураченные сторонниками Пилсудского и Дашинского, защищали своих классовых врагов, давали умирать с голоду нашим храбрым красноармейцам, завлекали их в засаду и убивали.

Известно ли вам, что заключение мира с Польшей сначала встретило большое сопротивление, точно так же, как это было при заключении Брест-Литовского мира? Мне пришлось выдержать жесточайший бой, так как я стоял за принятие мирных условий, которые безусловно были благоприятны для Польши и очень тяжелы для нас. Почти все наши эксперты утверждали, что, принимая во внимание положение дел в Польше, особенно же учитывая её тяжёлое финансовое положение, можно было бы добиться мирных условий, гораздо более благоприятных для нас, в том случае, если бы мы могли продолжать военные действия хотя бы ещё некоторое время. Тогда бы для нас не была исключена возможность добиться полной победы. При условии продолжения войны национальные противоречия в восточной Галиции и в других частях Польши значительно ослабили бы военную силу официальной империалистической Польши. Несмотря на субсидии и кредиты Франции, всё растущее бремя военных расходов и бедственное финансовое положение вызвали бы в конце концов движение крестьян и рабочих. Были указания и на ряд других обстоятельств, доказывающих, что при дальнейшем ведении войны наши шансы становились бы всё благоприятнее.

— Я сам думаю, — продолжал Ленин развивать после короткой паузы свою мысль, — что наше положение вовсе не обязывало нас заключать мир какой угодно ценой. Мы могли зиму продержаться.

Но я считал, что с политической точки зрения разумнее пойти навстречу врагу, временные жертвы тяжёлого мира казались мне дешевле продолжения войны. В конце концов наши отношения с Польшей от этого только выиграли. Мы используем мир с Польшей для того, чтобы обрушиться со всей силой на Врангеля и нанести ему такой сокрушительный удар, который заставит его навсегда оставить нас в покое. Советская Россия может только выиграть, если они спойм поведением доказывает, что ведёт войну только для того, чтобы оборонять себя и защищать революцию, что оно единственное большое миролюбивое государство и мире, что ей чуждо какое-либо намерение захватить чью-либо территорию, подчинить себе какие-либо нации и вообще затевать империалистические авантюры. Но самое главное было то: могли ли мы без самой крайней нужды обречь русский народ на ужасы и страдания еще одной зимней кампании? Могли ли мы послать наших героев-красноармейцев, наших рабочих и крестьян, которые вынесли столько лишений и столько терпели, опять на фронт? После ряда лет империалистической и гражданской войны новая зимняя кампания, во время которой миллионы людей будут голодать, замерзать, погибать в немом отчаянии. Наличие съестных припасов и одежды сейчас ничтожно. Рабочие кричат, крестьяне ворчат, у них только забирают и ничего не дают... Нет, мысль об ужасах зимней Кампании была для меня невыносима. Мы должны были заключить мир.

Пока Ленин говорил, лицо его у меня на глазах как-то съёжилось. Бесчисленные большие и мелкие морщины глубоко бороздили его. Каждая из них была проведена тяжелей заботой или же разъедающей болью... Вскоре он ушел. Между прочим, он мне ещё успел сказать, что заказаны десять тысяч кожаных костюмов для красноармейцев, которые должны взять Перекоп со стороны моря. Но ещё до того, как эти костюмы были готовы, мы ликовали, получив известие, что героические защитники Советской России под гениальным и смелым предводительством т. Фрунзе штурмом овладели перешейком. Это был беспрецедентный военный подвиг, совершённый войсками и вождями.

Одной заботой, одним страданием у Ленина стало меньше на общем фронте также не предстояло зимней кампании.

<...>